

ББК 66.4(4),0

Т. Б. Рябова, О. В. Рябов

«ГЕЙРОПА»: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБРАЗА ЕВРОПЫ В ПРАКТИКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Процесс политической мобилизации интерпретируется как задействование политическими акторами различных материальных и людских ресурсов для достижения своих целей, вовлечение индивидов и групп в различные формы политической активности. В современном мире политическая мобилизация осуществляется по преимуществу не с помощью насилия, а непрямыми методами, будь то использование авторитета политического лидера, манипулятивные методы, эксплуатация мобилизационного потенциала ценностей и символов [1]. Одним из них является апелляция к идентичности (индивида, партии, нации, масс и т. д.). С помощью подобной мобилизационной практики возможно, например, обеспечить необходимое электоральное поведение, поддержать политическое участие, направить или предотвратить гражданское действие.

Мобилизация идентичности индивидов, групп, общества в целом становится для политических акторов необходимой потому, что она представляет собой важное условие консолидации любой группы — это позволяет ей выступать субъектом политического действия [33, р. 3, 7, 123]. Кроме того, власть, осуществляемая через дискурсивное воздействие на идентичность, намного эффективнее, поскольку реализуется на микроуровне [27; 38, р. 17—21].

Практики политической мобилизации задействуют различные типы идентичности: национальную, гендерную, конфессиональную, цивилизационную и др. За последние годы в цивилизационной идентичности граждан Российской Федерации произошли ощутимые изменения: они перестали признавать себя европейцами, а Россию — частью Европы. Так, в 2011 г., согласно социологическому исследованию ИС РАН, европейцами считали себя лишь 13 % россиян; идея же «вхождения России в общеевропейский дом» набрала всего 7 % положительных ответов (доля таких ответов всего десятилетие назад была вдвое выше); мнение о том, что Россия является особой евразийской цивилизацией, разделяло более трети респондентов [6]. В 2012 г. «государством-цивилизацией», не растворяющейся в окружающем ее мире, назвал Россию В. Путин в своем послании Федеральному собранию [16], а в речи, произнесенной на заседании Валдайского клуба в сентябре 2013 г., развил этот тезис [4].

Европа как Чужой становится тем символом, который активно используется в процессах политической мобилизации. В своем исследовании мы бы хотели обратить внимание на то, какую роль в этих процессах играет гендерное

© Рябова Т. Б., Рябов О. В., 2013

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 13-03-00338 «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия» (руководитель С. В. Патрушев, Институт социологии РАН, Москва).

измерение образа сегодняшней Европы. Наш анализ осуществляется прежде всего сквозь призму концепта «Гейропа», который в последние годы получает все большее распространение в российском Интернете¹. Вначале мы остановимся на содержании данного концепта и его влиянии на формирование российской идентичности. Далее предметом анализа станет вопрос о том, как концепт «Гейропа» используется в политической мобилизации.

Источниками для анализа стали материалы, посвященные теме гендерной инаковости Европы в ведущих СМИ за последний год (статьи журналистов, заявления политиков, комментарии на интернет-форумах).

Россия и Европа в условиях нового гендерного порядка

Термин «Гейропа», которым российские пользователи Интернета стали называть Европу по причине толерантного отношения к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации, довольно быстро приобрел популярность и стал использоваться в более широком смысле — для обозначения девиантности европейского гендерного порядка Европы в целом и даже для обозначения европейских ценностей и европейской демократии («гомократии» [15]). В последовательную картину обвинения Европы в гендерной ненормальности стали складываться в начале 2013 г. в ходе дискуссий о легализации однополых браков во Франции и возможности усыновления российских детей однополыми семьями в США и Европе. Они высказывались журналистами, публицистами, идеологами, а также комментаторами на интернет-форумах. Подобные инвективы в гендерной девиантности не являются для отечественной культуры чем-то оригинальным. Концепт «загнивающего Запада», восходящий к трудам славянофилов, включал в себя утверждения о превосходстве российских семейных и гендерных норм [19]. Другим идейным источником нынешнего неприятия «Гейропы» выступает советская критика буржуазного гендерного порядка [20, с. 22]. Впрочем, необходимо принимать во внимание и то, что обвинения западной цивилизации в декадансе и изнеженности — важный компонент дискурса антизападничества в целом [30].

Однако сегодня гендерное измерение обвинений Запада стало одним из важнейших. Легализация в европейских странах однополых браков, рост влияния идеологии феминизма, разрушение семьи как социального института интерпретируются как уничтожение нормального гендерного порядка [25, 28]. Постулируется, что эти процессы ведут к закату европейской цивилизации, потому что тем самым, во-первых, извращается сама человеческая природа и уничтожаются основы человеческого сообщества; во-вторых, Европа обрекает себя на геополитическое поражение в соперничестве с исламской цивилизацией.

Маркируя определенным образом европейскую цивилизацию, концепт «Гейропа» становится фактором поддержания коллективной идентичности россиян. Нынешние различия гендерного порядка Европы и России, по мнению большинства авторов и комментаторов, обсуждающих тему, вытекают из самой сущности этих цивилизаций. Эссенциализация означенных различий осуществляется, в частности, при помощи апелляций к традициям культуры. Так,

---

¹ Основные поисковые системы дают тысячи ссылок по запросу «Гейропа».

В. Путин, объясняя собственное негативное отношение к идее узаконить однополые браки в России, сослался на необходимость уважать традиции российского общества [14, 16, 17]. Журналист М. Шевченко, пусть и не вполне всерьез, назвал россиян и большинство западных людей представителями разных гуманоидных видов, внешне похожих, но внутренне принципиально различных [29]. Само название его статьи — «Мы не Европа? И слава Богу!» — демонстрирует компенсаторный характер использования анализируемого концепта. Показательны и высказывания главы Чечни Р. Кадырова, сделанные в ходе Всероссийской конференции «Крепкая семья — основа России»: «К сожалению, немалая часть россиян хочет равняться на европейцев, на их образ жизни, хотя у большинства европейцев нет, по большому счету, ни культуры, ни нравственности. <...> Они приветствуют все нечеловеческое. У них однополые браки являются нормальным явлением. Даже страшно об этом говорить. Лично я не хочу быть европейцем» [10].

Исследуемый концепт не только используется в поддержании символических границ между Россией и Европой, но и включается в формулировку новой национальной идеи. Как известно, кризис коллективной идентичности, наступивший в постсоветский период, был связан с попытками определить место новой России в мировой истории. Для заполнения экзистенциального вакуума власти предлагали различные формулировки национальной идеи. В последнее время в медиапространстве становится заметной тенденция определять место России в современном мире с помощью противопоставления гендерного порядка России и Европы.

Комментируя одобрение Госдумой законов о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних и об усыновлении российских сирот однополыми семьями, глава Информационного отдела Московского патриархата В. Легойда подчеркнул, что сегодня Россия может «вновь сделать Европу христианской, то есть вернуться к тем идеалам, которые Европу и создали» [8]. Идея особой миссии России по защите традиционной семьи высказывается также журналистами и политиками. С. Марков, директор Института политических исследований, заметил, что «в постмодернистской Европе такого рода извращения, как гомосексуализм, признаются нормой, Россия же идет по другому пути, она определяет себя как консервативный фланг Европы и этим <...> преодолевает свой кризис идентичности». Благодаря этому Россия обретает искренних сторонников в Европе: «Она становится оплотом, крепостью и маяком для консервативных европейцев» [9].

Как мы видим, негативная оценка Европы помогает достижению собственной позитивной идентичности. Следует учитывать, что демаскулинизация Чужих — часть ремаскулинизации России, т. е. политики идентичности, характерной для российского общества 2000-х. Эта политика имеет два измерения: создание привлекательных образцов национальной маскулинности и образа России, наделенного маскулинными коннотациями (сила, независимость, рациональность и др.). В частности, культ силы в значительной степени лежит в основе образа России, выстраиваемого в символической политике периода президентства В. Путина [24] (что, например, нашло выражение в появлении такого национального символа, как «русский медведь» [21]).

Характеризуя гендерный порядок российского общества 2000-х, необходимо отметить, что гегемонную маскулинность в современной России воплощает образ «русского мужика» — сильного, выносливого, самостоятельного, надежного товарища и патриота своей страны, не обремененного постулатами толерантности; он создается в противовес репрезентациям европейской маскулинности как слабой и изнеженной [24]. Схожим образом противопоставляются западные женщины, утратившие женские качества под влиянием идеологии феминизма, и соотечественницы, для которых феминизм неприемлем по определению (см. данные социологических исследований: [25, 28, 23]).

«Гейропа» в процессах политической мобилизации

Как тема «Гейропы» становится релевантной внутренней политике? Прежде всего отметим, что происходящие в Европе изменения репрезентируются как представляющие опасность для России. Эта идея не только весьма красочно выражена на форумах (например: «Теперь гомосексуальная Европа будет помогать нормальной России — учить демократии» [39]), но и все более становится элементом официального дискурса. Еще в марте 2013 г. глава МИД С. Лавров подверг критике Евросоюз за то, что западные ценности, в первую очередь защита гей-сообщества, выдаются за универсальные и навязываются России [13]. В сентябре 2013 г. представитель МИД выступил с заявлением, в котором обвинил западные страны в стремлении навязать другим свои «неолиберальные ценности в качестве универсальной основы жизнедеятельности», что «особенно заметно на примере агрессивного продвижения ими прав секс-меньшинств» [18]. Эта проблема рассматривалась даже в Совете безопасности Российской Федерации; в апреле 2013 г. секретарь Совбеза Н. Патрушев предложил уделить особое внимание «укреплению национальной безопасности в духовно-нравственной сфере», причем, как сообщили в Совбезе газете «Коммерсант», проблема однополых отношений занимает важное место среди угроз национальной безопасности [3]. Этот дискурс позволяет сторонникам власти позиционировать ее в качестве гаранта сохранения нормальности страны. Скажем, один из них на форуме высказывается об однополых союзах следующим образом: «Глядя на эту мерзость, понимаешь, что нет альтернативы Путину!» [12].

Обратим внимание на то, что гендерная девиантность Европы нередко интерпретируется как закономерное следствие развития западной демократии. Например, среди комментариев к статье, посвященной обвинениям Леха Валенсы в гомофобии, которым он подвергся в Польше, встречаются и такие: «За что боролся — на то и напоролся. Жрите свои европейские ценности ложками, товарищ Валенса!» [46].

В подобном контексте оппозиция власти в России маркируется в качестве проявления не только национального предательства, но и гендерной девиантности. Маскулинность и фемининность представителей «креативного класса» трактуются как извращенные и потому нелегитимные; политическая оппозиционность нередко объясняется их гендерной ненормальностью.

Следует заметить, что обвинение политических оппонентов в нетрадиционной сексуальной ориентации — распространенный прием политической мобилизации. Скажем, во время холодной войны он активно использовался в

американском политическом дискурсе периода маккартизма [35, р. 94—95]. В данном случае политическая мобилизация осуществляется с помощью апелляции к гендерной идентичности. Значимость гендерной идентичности в практиках политической мобилизации определяется тем, что взгляды на различия полов очень устойчивы. Кроме того, в обыденном сознании отношения между мужчинами и женщинами расцениваются как наиболее очевидные, понятные, а потому легитимные. Апелляция к гендерной идентичности представляет собой установление взаимосвязи между формами политического поведения индивида, с одной стороны, и определенными моделями маскулинности и фемининности — с другой. Фиксируя, что есть мужественность и женственность, отделяя «нормальную сексуальность» от «ненормальной», тем самым не только поощряют граждан к политической активности, но и подсказывают линию «правильного поведения» — «нормального» в политическом отношении. Подобные мобилизационные практики включают использование как позитивной, так и негативной гендерной идентичности; последнее предполагает стремление отличаться от Чужих в гендерном отношении. Г. Моссе, анализируя репрезентации гомосексуалистов и евреев в культуре Модерности, заметил, что позитивный стереотип мужчины получает дополнительную легитимацию при помощи создания негативного стереотипа мужчины, который не способен соответствовать идеалу [36, р. 6].

Иными словами, происходит переплетение различных идентификационных и иерархизирующих дискурсов. Напомним, что, в соответствии с методологическим принципом интерсекционализма (*intersectionality*), необходимо рассматривать социально конструируемые категории дифференциации (раса, гендер, класс и этничность) как влияющие друг на друга в процессе создания систем социальной иерархии (см. подробнее: [31, 32]).

Не являются эти технологии новыми и для российской политической культуры. Скажем, в период перестройки и первое постсоветское десятилетие широко использовались обвинения демократов в том, что они насаждают в России чуждые гендерные стандарты, включая распространение всех видов «сексуальных извращений» [34, 37].

Подобные мобилизационные практики широко применялись в ходе недавних выборов московского мэра. Исследуемая тема стала одной из заметных при освещении кампании А. Навального, одного из лидеров так называемой несистемной оппозиции. Прежде всего его противники постулировали, что основу оппозиции составляют активисты гей-движения [43]. Один из авторов, разоблачая технологии работы НКО, утверждал, что «активист двух-трех “правозащитных” организаций еще очень часто является и озабоченным своими “правами” геем, лесбиянкой или бисексуалом» [26].

В статье, характеризующей Навального как «кандидата от ЛГБТ», сообщается о его выступлении в защиту прав геев, лесбиянок и трансгендеров и о том, что представители ЛГБТ не остались в долгу и заверили блогера в своем расположении и симпатиях [11]. Оппоненты Навального широко тиражировали информацию о том, что, по данным голосования на портале Gay.ru, почти 70 % гомосексуалистов выразили готовность поддержать на выборах данного политика. Даже официальные лица не удержались от комментариев этой новости; так, глава одно-

го из районов Тверской области в своем ЖЖ отметил: «“Голубые” знают — кого выбирают))). Как видим, ЛГБТ определились не только в сексуальных предпочтениях. Но и в политических тоже))). А кандидат Навальный нашел свою электоральную базу. Рад за него...» [41]. Газета «Взгляд», которая не скрывала, что поддерживает кандидата от «партии власти», сообщила также, что секс-меньшинства провели митинг против Путина в поддержку Навального в Амстердаме, тем самым помещая эту проблему в контекст международных отношений [48]. Для понимания процессов политической мобилизации особенно важным представляется то обстоятельство, что негативное отношение к гомосексуалистам используется для дискредитации не только политиков, но и избирателей — с целью мобилизовать электорат для «правильного» политического поведения. Один из форумчан формулирует эту мысль предельно заостренно: «Если ты поддерживаешь Навального, то ты гей?» [15]. Ему вторит другой комментатор в материале, озаглавленном «Навальный как проверка на голубизну» [40].

Таким образом, концепт «Гейропа» вовлекается в практики политической мобилизации при помощи репрезентаций гендерной ненормальности европейского общества как представляющей опасность для России. Кроме того, перспектива прихода оппозиции к власти представлена как угроза разрушения привычного гендерного уклада в стране. Например, в Интернете можно встретить немало комментариев такого рода: «Если либерастики доберутся до власти (тьфу 3 раза), то будут и дальше продавать детишек. Им очень хочется ходить на гей-парадиках. Петь в храмах панк-молебны. Однополые браки тоже очень хочется. Им хочется ВСЕ, что не хочется большинству в России» [47]. Наконец, происходит апелляция не только к национальной идентичности, но и к гендерной: если ты не гомосексуалист, то ты должен выступать против оппозиции. Иными словами, устанавливаются дискурсивные цепочки эквивалентности между оппозиционностью нынешней власти и гендерной девиантностью.

В свою очередь, сторонники либеральной оппозиции стремятся представить власть (и ее сторонников) как отсталых, далеких от прогрессивных тенденций развития человечества и чуждых духу европейской цивилизации, в основе которой — права и свободы человека. Они защищают нормы и ценности европейского гендерного порядка, утверждая, что патриархат и гомофобия выражают сущность нынешней политической системы. Это позволяет либеральной оппозиции получить поддержку среди представителей ЛГБТ-сообщества, которые, в частности, активно участвовали в митингах протеста 2011—2012 гг. [7]. При этом оппоненты гегемонного дискурса интерпретируют само акцентирование в пропрезидентских СМИ гендерной девиантности Европы в качестве пропагандистского приема (например, один из комментаторов пишет: «Все идет по плану. А то целевая аудитория еще подумает, что на Западе рай земной, и станет либерастами» [5]).

Вместе с тем представители либеральной оппозиции не могут не учитывать настроения в обществе. Далеко не все их сторонники готовы принять анализируемые европейские новшества. Во всяком случае, как показал опрос ВЦИОМ (июнь 2013 г.), подавляющее большинство россиян поддерживают введение запрета на пропаганду гомосексуализма в стране — 88 %, а 42 % считают, что нетрадиционная сексуальная ориентация должна быть уголовно на-

казуема [42]. Согласно опросу Левады-центра (июнь 2012 г.), 43 % респондентов разделяют мнение о том, что геи и лесбиянки обладают ущербной моралью, 32 % полагают, что они умственно неполноценны [45] (см. также: [44]).

Наш анализ был бы неполным, если бы мы не упомянули еще одну точку зрения — взгляды оппонентов власти из консервативной среды. В их глазах нынешняя власть слишком либеральна, она немногим отличается от прозападных либералов, и именно на нее возлагается ответственность за распространение нетрадиционных сексуальных отношений в российском обществе.

Подведем итоги. Вопрос об изменениях гендерного порядка европейских сообществ приобрел важное значение, будучи широко обсуждаемым в контексте таких проблем, как Россия и ее национальная идея, гендерный порядок российского общества, политическая система в России. По этому вопросу высказываются влиятельные политики и эксперты, ведущие издания публикуют статьи, которые вызывают массу комментариев². Европейская цивилизация репрезентируется как вырождающаяся, что проявляет себя в извращении «нормального гендерного порядка». Концепт «Гейропа» включается в политическую мобилизацию: Чужие в гендерном отношении становятся Чужими в отношении политическом и национальном. Учитывая значимость рассматриваемого вопроса для отношений России с Западом, можно предположить, что влияние «Гейропы» как мобилизационного ресурса будет нарастать. Наконец, подчеркнем еще одно обстоятельство. Мы уже обращали внимание на то, что политический дискурс представляет собой ресурс «создания гендера» в современной России [22]. Подчеркнем, концепт «Гейропа» становится и фактором организации гендерных отношений в российском обществе, поскольку с его помощью устанавливается гендерная норма и девиация, во-первых, и связывается определенный гендерный порядок с собственной нацией — во-вторых. Очевидно, вовлеченность темы в политический и национальный дискурсы в ближайшем будущем будет выступать значимым фактором, формирующим отношение в российском обществе к нетрадиционным сексуальным отношениям.

Библиографический список

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С.* Социологический словарь. 2008. URL: <http://www.psyooffice.ru/slovar-s229.htm> (дата обращения: 08.08.2013).
2. *Асламова Д.* Франция пала под натиском гей-революции. Мы — следующие? URL: <http://www.kp.ru/daily/26068/2974895/> (дата обращения: 08.08.2013).
3. *Бекбулатова Т., Сафронов И., Иванов М.* На страже духовной безопасности Николай Патрушев поработает над новой для себя сферой. URL: <http://www.kommersant.ru/pda/kommersant.html?id=2178141> (дата обращения: 08.08.2013).
4. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сент.
5. Геи выбирают Навального. 17 июня 2013 г. : пост. URL: <http://ursa-tm.ru/forum/http://www.inosmi.ru/world/20130424/208425523.html> (дата обращения: 08.08.2013).

---

² Например, статья Д. Асламовой «Франция пала под натиском гей-революции. Мы — следующие?» в «Комсомольской правде» собрала на форуме газеты около 2000 комментариев [2].

6. Европейцев в России — 13 %, оплот евразийства — москвичи // Русский обозреватель. 2012. 20 янв. URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/16415> (дата обращения: 02.09.2013).
7. *Жвания Д.* Тема ЛГБТ — лакмусовый симулякр. URL: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/12/17/15272.html> (дата обращения: 08.08.2013).
8. Запрет на усыновление российских детей геями в РПЦ назвали суверенным выбором России. URL: <http://www.newsru.com/religy/19jun2013/verbot.html> (дата обращения: 08.08.2013).
9. Знаменуют самоидентификацию России. URL: <http://www.vz.ru/politics/2013/6/11/631085.html> (дата обращения: 08.08.2013).
10. Кадыров: европейцы приветствуют все нечеловеческое. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2013/09/13/n_3181757.shtml (дата обращения: 08.08.2013).
11. *Калашикова Е.* Гей-парад Навального. 23.07.2013. URL: <http://www.dni.ru/polit/2013/7/23/256680.html> (дата обращения: 08.08.2013).
12. *Клавель Ж.* Однополые браки: поцелуй депутатов от соцпартии Яна Галю и Николая Бзя для потомков : пост. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130128/205161448.html> (дата обращения: 08.08.2013).
13. Лавров считает выходку Pussy Riot святотатством. 21 марта 2012 г. URL: www.newsland.ru/news/detail/id/918554/ (дата обращения: 08.08.2013).
14. «Однополые браки в Чечне?! До жертв бы дошло!» — Путин затмил себя в Амстердаме. URL: <http://www.mk.ru/politics/russia/article/2013/04/09/838297-odnopolyie-braki-v-chechne-do-zhertv-byi-doshlo-putin-zatmil-sebya-v-amsterdame.html> (дата обращения: 08.08.2013).
15. «Однополые браки — критерий демократии». 11 июля 2013 г. : пост. URL: <http://www.ursa-tm.ru/forum/index.php> (дата обращения: 08.08.2013).
16. Послание Президента Федеральному собранию. 12.12.2012. URL: <http://президент.рф/новости/17118#sel=69:20,69:44> (дата обращения: 08.08.2013).
17. Президент рассказал об отношении россиян к однополым бракам. URL: <http://www.utro.ru/articles/2013/04/08/1112073.shtml> (дата обращения: 08.08.2013).
18. Российский МИД попенял Западу на «агрессивное» продвижение гомосексуализма по миру. URL: <http://www.newsru.com/world/13sep2013/dolgov.html> (дата обращения: 13.09.2013).
19. *Рябов О. В.* Национальная идентичность : гендерный аспект : дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2000. 300 с.
20. *Рябов О. В.* Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // Женщина в российском обществе. 2005. № 3—4. С. 19—28.
21. *Рябов О. В.* Охота на медведя: о роли символов в политической борьбе // Неприкосновенный запас. 2009. № 1 (63). С. 195—211.
22. *Рябова Т. Б.* Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8, вып. 4 (32). С. 307—320.
23. *Рябова Т. Б., Романова А. А.* Гендерное измерение российского антиамериканизма : (к постановке проблемы) // Женщина в российском обществе. 2012. № 3. С. 21—35.
24. *Рябова Т. Б., Рябов О. В.* Настоящий мужчина российской политики? : (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Полит. исслед. 2010. № 5. С. 48—64.
25. *Рябова Т. Б., Цалко Е. О.* «Русский мужик»: о роли гендерных маркеров в национальной идентификации // Europe — Russia: Images, Contexts, Discourses / ed. by I. Novikova. Riga : LU DZSC : LEVIRA, 2011. С. 206—220.
26. *Стариков Н.* Так работают НКО — технология разрушения. URL: <http://nstarikov.ru/blog/21774> (дата обращения: 02.09.2013).

27. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет. М. : Касталь, 1996. 448 с.
28. Цалко Е. О., Рябова Т. Б. Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 57—65.
29. Шевченко М. Мы не Европа? И слава богу! // Московский комсомолец, 2013. 11 февр.
30. Buruma I., Avishai M. Occidentalism : the West in the Eyes of its Enemies. New York : Penguin Books, 2004. 160 p.
31. Collins P. H. Gender, black feminism, and black political economy // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2000. Vol. 568, № 1. P. 41—53.
32. Crenshaw K. W. Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color // Stanford law rev. 1991. Vol. 43, № 6. P. 1241—1299.
33. Du Preez P. The Politics of Identity: Ideology and the Human Image. Oxford : Blackwell, 1980. 178 p.
34. Goscilo H. Dehexing Sex : Russian Womanhood during and after Glasnost. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1996. 192 p.
35. May E. T. Homeward Bound : American Families in the Cold War Era. New York : Basic Books, 1988. 302 p.
36. Mosse G. L. The Image of Man : the Creation of Modern Masculinity. New York : Oxford University Press, 1996. 240 p.
37. Riabova T., Riabov O. «U nas seksa net»: Gender, Identity, and Anticommunist Discourse in Russia // State, Politics, and Society : Issues and Problems within Post-Soviet Development / ed. by A. Markarov. Iowa City : University of Iowa, 2002. P. 29—38.
38. Smitherman-Donaldson G., van Dijk Teun A. Introduction : words that hurt // Discourse and Discrimination. Detroit (MI) : Wayne State University Press, 1988. P. 11—22.
39. URL: <http://echo.msk.ru/news/1006010-echo/comments.html#comments> (дата обращения: 08.08.2013).
40. URL: <http://evolution-march.livejournal.com/1165749.html> (дата обращения: 08.08.2013).
41. URL: <http://oleg-dubov.livejournal.com/436514.html?thread=4823842&> (дата обращения: 08.08.2013).
42. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114190russia.ru/Razgvlad/status/3fff10000012a> (дата обращения: 08.08.2013).
43. URL: <http://yablor.ru/blogs/navalniy-i-gei/2759714> (дата обращения: 08.08.2013).
44. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/996436-echo/> (дата обращения: 08.08.2013).
45. URL: <http://www.levada.ru/22-08-2012/bolee-poloviny-rossiyan-protiv-idei-provedeniya-gei-paradov> (дата обращения: 08.08.2013).
46. URL: <http://www.russia.ru/Razgvlad/status/3fff10000012a> (дата обращения: 08.08.2013).
47. URL: <http://www.russia.ru/Serg1961/status/39eb60000093e> (дата обращения: 08.08.2013).
48. URL: <http://www.vz.ru/news/2013/9/3/648409.html> (дата обращения: 08.08.2013).

ББК 66.3(6),1

Л. Я. Прокопенко

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ОРГАНАХ ВЛАСТИ (Опыт стран южноафриканского региона)